

БУТОНЫ ЗЛА

31 ИСТОРИЯ
ДЛЯ МРАЧНЫХ ВЕЧЕРОВ

18+

Словотворцы магических миров

Мария Токарева

**Бутоны зла. 31 история
для мрачных вечеров**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Токарева М.

Бутоны зла. 31 история для мрачных вечеров / М. Токарева —
«Издательство АСТ», 2026 — (Словотворцы магических миров)

ISBN 978-5-17-182598-0

Проклятия расцветают, как первые подснежники. За парадом тюльпанов и пением птиц скрывается иная весна – та, где пробуждаются древние проклятия, а тени становятся длиннее и опаснее. Сборник мрачных рассказов от лучших авторов фэнтези, который навсегда изменит ваше восприятие самой прекрасной поры года. Почувствуйте, как по коже бегут мурашки, пока за окном поют птицы. Ваше новое чтение для теплых, но тревожных вечеров.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-182598-0

© Токарева М., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Песнь сирены	7
Волчья тень	12
Родник жизни	21
Кровь ее – бирюза	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Бутоны зла. 31 история для мрачных вечеров

Серия «Словотворцы магических миров»

Авторы

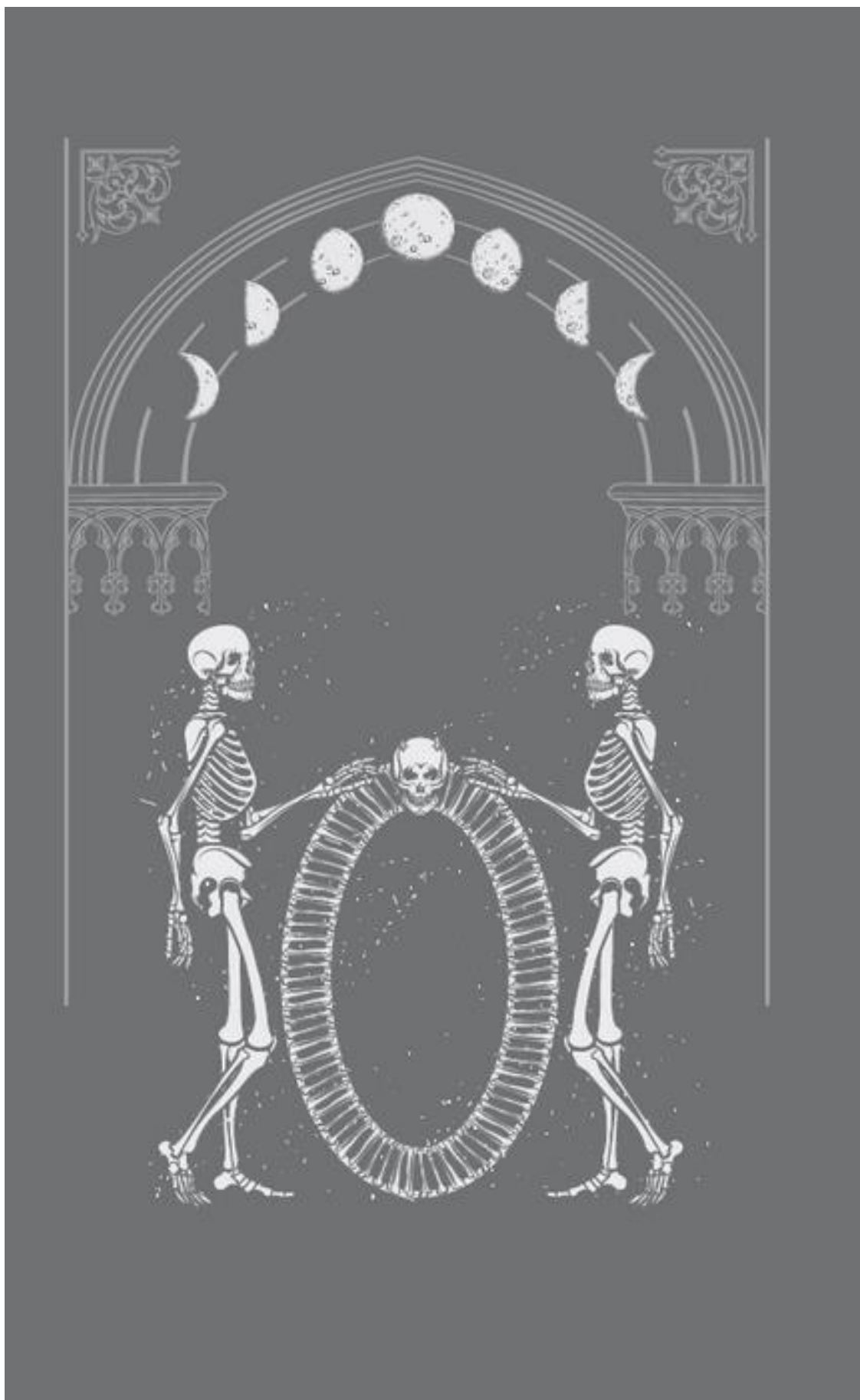
Александра Рау, Анна Щучкина, Борис Хантаев, Виолетта Орлова, Дария Эссес, Евгения Липницкая, Елена Михалёва, Мария Токарева, Оксана Токарева, Ольга Дехнель, Рия Альв, Саша Гран, Софья Соломонова, Эдди Кан, Юлия Макс, Яна Вуд

Иллюстрация на переплете *Борзениной Алены (Tattoo Ramen)*

© Рау А., Щучкина А., Итиль И., Хантаев Б., Эссес Д., Липницкая Е., Михалёва Е., Орлова В., Токарева М., Токарева О., Дехнель О., Альв Р., Гран С., Соломонова С., Кан Э., Макс Ю., Вуд Я.

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Песнь сирены Дария Эссес

Слегка зажмурившись, Кайл стоял на палубе, пока свежий морской ветер развеивал его выжженные солнцем волосы, а соленые брызги орошали лицо.

Жизнь вне суши успела оставить на нем как моральный, так и физический след: загорелая кожа, мускулистое тело и взгляд, полный затаившейся тоски. В свои двадцать три года он уже знал, что значит потерять и жить с грузом вины.

Когда его корабль пришвартовывался в очередном порту, а Кайл отдыхал в одном из пабов, девушки не могли отвести от него глаз. Он был поистине красив – в какой-то грубой, дикой манере, что еще сильнее притягивало к нему женское внимание.

Вот только никто не пытался *узнать* его.

Кайл считал океан своей лучшей подругой, любовницей и даже матерью, но за его пределами он был... одинок. Поэтому отправился в вечное плавание по пенящимся волнам Теневого океана семь лет назад, когда разбойники забрали жизнь его матери – единственного человека, что был для него лучом света.

С тех пор Кайл и океан были неразлучны.

Но порой его одолевала щемящая тоска, прямо как сейчас. Он остался без семьи, дома и любимого человека, продав душу морскому богу. И так будет продолжаться до конца его дней? Пока вода навечно не заберет его в свои глубины?

– Ради чего я все это делаю? – прошептал он, смотря на залитый солнцем горизонт.

Летом прошлого года Кайл вошел в паб под названием «Морская бездна», и разговор с хозяином заведения до сих пор прокручивался в его голове. Это место он старался посещать хотя бы раз в несколько месяцев: запах свежее испеченного хлеба смешивался с ароматом сливочного пива, что навевал на него приятные воспоминания о доме. За деревянной стойкой, до

блеска натирая кружки, стоял владелец – крепкий мужчина с седыми волосами и добрыми, но усталыми глазами.

Это место стало его тихой гаванью.

– Кайл! – окликнул его хозяин, подозвав к стойке. – Как поживаешь? Давно мы тебя в наших краях не видели. Надолго ли?

– Привет, Том, – расплылся в улыбке Кайл, усаживаясь на барный стул. Этот мужчина всегда привлекал его своим радушием. – Собирался на восточное побережье, решил ненадолго заглянуть к вам. – Затем, на секунду задумавшись, спросил: – Ты слышал, что в тех краях обитают... сирены?

Томас приподнял бровь, пытаясь понять, не шутит ли его постоялец. Но когда осознал, что тот говорит всерьез, тихо засмеялся себе под нос. Однако Кайл заметил в его глазах некую настороженность.

– Сирены? И ты веришь в эти сказки, парень?

Кайл пожал плечами и взял протянутую кружку пива. Прикрыв глаза, он чуть ли не застонал, когда почувствовал на языке его вкус. Боковым зрением ему удалось заметить пару девушек, уже смотрящих на него с сердечками в глазах.

Но Кайла они не особо интересовали.

Как и все остальное в этом мире.

– Не знаю, но о них поговаривают моряки, – ответил он, поставив кружку на стол. – Помнишь Сэма? Его корабль затонул в прошлом году. Ходят слухи, в тот день кто-то слышал с берега женское пение. Говорят, сирены затянули команду на дно, а сами затопили корабль.

– Да-да, – весело фыркнул Томас. – Это всего лишь миф, которым вас хотят запугать, Кайл. Как думаешь, откуда слухи-то идут? Никто же не возвращается со дна морского, чтобы рассказывать об этом.

– Но что, если это правда? – пробормотал Кайл. – Я слышал, один моряк встретил сирену и нашел для нее жемчужину, способную вернуть той человеческое обличье. Девушка была готова исполнить любое его желание, поэтому он загадал *ее*. Они поженились и жили в любви многие годы, до самой смерти.

Томас нахмурился.

– Это не больше чем легенда. Ты же знаешь, что желания часто имеют свою цену.

– Знаю.

– А вторую часть легенды слышал?

Кайл отрицательно покачал головой.

– Сирены – это утопленницы, которые мстят за свою смерть. Раньше пираты часто творили с ними бог знает что. Брали на борт красивых девушек, насиловали их, избивали, а после сбрасывали в море, чтобы замести следы. Это не красивая сказка, Кайл. Поэтому отбрось даже мысль о поисках сирены.

Почему же Томас не верил в легенду, но так отчаянно защищал от нее Кайла? Это показалось ему странным, но он лишь кивнул и сделал очередной глоток пива.

Однако мужчина добавил чуть тише:

– Ты мне нравишься, парень. Будь осторожен. Эти создания могут быть не такими безобидными, какими кажутся на первый взгляд. Я знаю реальную историю, в которой сирена убила моряка, чтобы стать человеком.

Значит, это правда.

– Убила? – переспросил Кайл.

– Они одержимы жаждой свободы. А когда получают шанс стать людьми, то готовы на все, лишь бы добиться своего.

Вертя в руках кружку, Кайл задумался над словами Томаса. Он и раньше слышал об этих мифических существах от матери, но в ее рассказах они всегда были добры к незнако-

мым людям. Помогали морякам, заблудившимся в бескрайних водах, спасали тех, чьи корабли потерпели крушение.

Кому же верить?

– Береги себя, – попросил спустя пару мгновений хозяин паба. – И помни: некоторые тайны лучше оставить неразгаданными.

Стоя на носу корабля почти год спустя, Кайл тяжело выдохнул и провел ладонью по подбородку. Солнце неторопливо опускалось за линию горизонта, окрашивая небо в яркие оттенки желтого, алого и оранжевого. Корабль плавно рассекал волны и оставлял за собой белую пенную дорожку.

Вот уже год Кайл провел близ восточного побережья, но ничего в его жизни не изменилось. Его окружала лишь вода – и никаких сирен, способных исполнить желание.

Вдруг Кайл нахмурился.

Он сделал пару шагов вперед, прислушиваясь к звуку, который, казалось, исходил из самых глубин океана. Легкий, едва слышный, но такой... притягательный. Он напоминал трель птицы или звон колокольчиков, и только спустя пару мгновений Кайлу удалось различить в нем мелодичный женский голос.

Песня.

Это была песня, полная печали.

Поддавшись порыву, он подошел ближе к краю палубы. Кайл долго вглядывался в темную воду, пока не заметил внизу какое-то движение. Его дыхание перехватило. Океан начал мерцать, искриться, гудеть от неизведанной силы, и вскоре на поверхности показалась... девушка.

Она была прекрасна: длинные иссиня-черные волосы, напоминающие ночное небо, пронзительные голубые глаза и пухлые губы, сложившиеся в приятную улыбку. Кайл замер, не в силах оторвать от нее взгляда. Он никогда не видел никого красивее. Однако важнее было то, что между их сердцами протянулась невидимая нить. Едва осязаемая, но... он чувствовал ее.

– Помоги мне, – произнесла девушка сладким, будто мед, голосом.

Его сердце забилося с удвоенной силой. Кайл никогда до конца не верил в легенды о сиренах, сомневался в словах матери и Томаса, но сейчас, глядя в ее завораживающие глаза, не мог отрицать очевидное.

Это была она.

– Я знаю тебя, Кайл.

Он наклонился к воде, чтобы слышать каждое ее слово.

– Печальный потерянный мальчик, который жаждет вкушать счастье. Ты столько лет провел в одиночестве, но... – Сирена улыбнулась. – Я могу это исправить.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он охрипшим от эмоций голосом.

– Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, помоги мне найти жемчужину, которую я потеряла в глубинах океана. Ты знаешь каждый его затаенный уголок. В ответ я исполню любое твоё желание. Одарю тебя богатством. Любовью. Здоровьем.

– Но где мне искать жемчужину, если океан не имеет конца и края? – спросил он, словно в тумане, не в силах отвести взгляда от ее прекрасного лица.

– Я была на западном побережье, когда она пропала, – протянула сирена. – Но будь осторожен, Кайл. Многие пытались найти ее, но обратно никто не возвращался. Найди жемчужину и принеси ее на это же место. Я буду ждать тебя здесь через месяц на рассвете.

Сирена начала исчезать под водой, но он выпалил:

– Как тебя зовут?

Взглянув на него из-под опущенных ресниц, она прошептала:

– Мия. – С этими словами сирена вновь погрузилась в океан, оставив Кайла одного на палубе.

Он смотрел, как ее силуэт исчезает в темноте волн, пока в его сердце разгоралось пламя.

Он понимал: это не просто поиски жемчужины – это возможность изменить собственную судьбу.

Собравшись с мыслями, Кайл взглянул на горизонт, где пылал ярко-алый закат.

– Мы еще встретимся, Мия.

* * *

Кайл тяжело сглотнул. Горло пересохло от волнения, когда его корабль «Ледяное Бедствие» приблизился к месту, где, по слухам, находилась подводная пещера. Он провел недели в поисках информации о ее местонахождении, спрашивая стариков в портах и слушая истории опытных моряков. Чтобы попасть в пещеру, нужно было как минимум не умереть от переохлаждения в водах западного побережья. Потому что она буквально находилась на дне океана.

Когда корабль достиг наконец пепельно-серых скал, Кайл почувствовал, что морской ветер становится холоднее на несколько градусов. Небо заволокли свинцовые облака, а вода вокруг была темной, словно желая утянуть путников в свои глубины.

Вооружившись лишь кинжалом, Кайл сделал глубокий вдох и прыгнул в воду.

Каждая мышца в теле напряглась от холода, а в ушах тут же зашумело. Однако когда он открыл глаза, любая мысль перестала иметь значение. Взгляду предстало удивительное зрелище – коралловые рифы, искрящиеся под светом пробивающегося солнца, и стаи рыб, сверкающие, как драгоценные камни.

На короткое мгновение Кайла накрыла волна неуверенности. А что, если все происходящее приведет его к чему-то непоправимому? Ведь не просто так Томас предупреждал его не совать нос не в свои дела. Однако Кайлу тут же вспомнилась Мия, ее нежный взгляд и улыбка, что снилась ему по ночам.

Волнение отступило, и он продолжил погружаться все ниже и ниже.

Ради нее он был готов на что угодно.

Найдя вход в пещеру, Кайл выплыл на поверхность и глотнул чистого воздуха. Темное пространство заливало едва заметное свечение, и он различил в углу жемчужину – небольшую, но сверкающую, словно утреннее солнце.

На лице Кайла появилась широкая улыбка.

Оглянувшись, он не заметил ничего подозрительного. Никого постороннего в пещере не было. Удивительно, почему Мия сказала, что отсюда никто не выбирался.

Вскоре Кайл двинулся в обратный путь, чувствуя, как сердце наполняется нетерпением. Ему хотелось как можно скорее вернуться к сирене и отдать ей найденную драгоценность.

Он уже знал, что попросит взамен.

Вернувшись на «Ледяное Бедствие», Кайл взял курс на восточные берега. Он понимал: впереди его ждет не только встреча с Мией, но и новая жизнь. Жемчужина в его руках была символом несбыточных мечтаний, и он был готов сделать все, чтобы превратить их в реальность.

* * *

Свет луны отражался в тихой водной глади, когда он увидел ее – свою прекрасную Мию. Длинные темные волосы струились по хрупким плечам, словно водопад, а глаза смотрели на него с надеждой и легкой печалью.

– Ты вернулся? – спросила она, будто не веря. – Нашел жемчужину? – Ее голос звучал как самая восхитительная мелодия.

Кайл даже не понял, как наклонился к воде и протянул жемчужину Мие.

– Я бы хотел... – Ему пришлось откашляться, потому что голос задрожал. – Чтобы ты осталась со мной. Вот мое желание. Мне не нужно богатство или что-либо еще. Пожалуйста, верни себе человеческий облик и останься навечно со мной.

– Конечно, – улыбнулась Мия. – Все, что пожелаешь. – Но почему-то она не смотрела в его глаза.

Совершенно не обращая на Кайла внимания, она протянула руку к жемчужине. Их пальцы соприкоснулись, и он отбросил желание потянуться за ней прямо в воду. Мия быстро забрала драгоценность и наконец подняла взгляд, но в ее глазах проскользнула странная эмоция.

– Спасибо тебе, Кайл.

Он не успел понять, что происходит. С неожиданной легкостью сирена схватила его за запястье и потянула за собой. В ее взгляде не было ни злобы, ни ненависти, только холодная решимость. Рывок – и он упал в воду. Легкие вспыхнули от нехватки кислорода, а конечности словно сковали в тиски.

Он не мог двигаться. Не мог дышать.

Кайл почувствовал, как жизнь медленно покидает его тело, пока сирена, с которой он хотел провести оставшуюся жизнь, затягивает новую песнь. Ту, что навечно лишала его сил. Ту, что превращала его в мертвеца.

Он даже не успел попробовать, каково счастье на вкус.

– Прости меня, – прошептала Мия, когда его глаза закрылись. – Я отомщу за своих сестер и убью каждого виновного. Каждого мужчину, что странствует по этим водам и несет за собой страх для невинных девушек и женщин.

Сирена – теперь уже человек – стояла на берегу, ощущая, как ветер ласково касается ее кожи.

Она вздохнула полной грудью, наслаждаясь свободой.

И двинулась в порт, мечтая утолить жажду мести.

Волчья тень Анна Щучкина

Дом Элайзы Мэдоуз стоял на самом краю Блэкуотер Крик, там, где унылые, понурые поля поселенцев уступали темной стене леса. Здесь воздух пах иначе – не пылью и страхом, а влажным дерном, прелой листвой и травами, которые густо росли в небольшом, огороженном плетнем саду. Казалось, сама земля благоволила к Элайзе: пока посевы местных чахли под безжалостным солнцем, ее овощи наливались соком, целебные травы тянулись к небу пышными, здоровыми стеблями, а деревья цвели, как она сама – женщина с приятным округлым лицом, едва тронутым первыми морщинами.

Элайза как раз возвращалась из леса, ее корзина была полна корней и мха. Женщина шла быстро, низко опустив голову, чтобы не привлекать внимания тех немногих, кто мог оказаться на этой пыльной тропе. Но она чувствовала колючие, подозрительные взгляды из-за прикрытых ставней, слышала шепот, замолкавший при ее приближении.

Последние месяцы выдались тяжелыми. Небывалая засуха истощила ручей, давший название поселению, до тонкой грязной струйки. Мор напал на скот – коровы ложились и больше не вставали, их глаза мутнели от неизвестной хвори. Преподобный Крофт говорил о гневе Божьем, о грехах, но все чаще взгляды обращались к Элайзе, одинокой молодой женщине, знающей лес как свои пять пальцев, обладающей даром исцеления и, как теперь шептались, способностью проклинать.

Она знала об этих слухах. Чувствовала, как кольцо неприязни сжимается вокруг ее маленького дома. В уединении есть сила, но есть и уязвимость. Под внешней сдержанностью Элайзы скрывался страх – не перед лесом, который она понимала и любила, а перед слепой яростью людей, ищущих козла отпущения.

Заслышав голоса идущих навстречу соседей, Элайза крепче сжала ручку корзины и ускорила шаг.

* * *

Прибытие магистрата Сайласа Торна в Блэкуотер Крик нарушило гнетущую рутину поселения. Он приехал на вороном коне, прямой, как стальной стержень, в простом темном камзоле. Лицо магистрата было непроницаемо, а глаза – серые, как зимнее небо, – цепко оглядывали убогие дома и съездившихся под строгим взглядом поселенцев. От Сайласа Торна веяло холодом власти и непреклонного Закона, столь чужеродного этому месту, погрязшему в суевериях и страхе. Миссия магистрата была известна всем еще до того, как он спешил у дома старейшины: расследовать козни дьявола, свившие гнездо в их богобоязненной общине.

На следующий день, когда солнце стояло высоко, хотя почти не грело промозглый воздух, Сайлас Торн появился у калитки Элайзы. Он не стал посылать констебля, пришел сам. Элайза как раз перебирала сухие пучки пижмы у порога.

– Элайза Мэдоуз? – бесстрастно спросил магистрат.

Она медленно выпрямилась, отряхивая пыль с фартука. Встретила его тяжелый взгляд.

– Магистрат Торн, – так же спокойно произнесла Элайза – без заискивания, без страха, лишь констатируя факт. – Вы нашли меня.

Он шагнул ближе, его тень упала на ее травы.

– Моя работа – находить то, что скрыто, мистрис Мэдоуз. И в этом поселении, полном слухов, ваше имя звучит чаще других. – Он обвел взглядом ее ухоженный сад, резко контрастирующий с вытоптанной землей вокруг. – Говорят, у вас особый дар возвращать жизнь... или отнимать ее.

Элайза чуть склонила голову набок.

– Люди говорят многое, когда боятся, магистрат. Страх – плохой советчик и еще худший свидетель. Я лишь разбираюсь в травах и слушаю землю. В этом нет колдовства, только терпение и уважение.

– Уважение? – Сайлас слегка прищурился, изучая ее лицо. – Закон требует уважения. Порядок требует уважения. А то, что происходит в Блэкуотер Крик, – болезни, неурожай, страх – это нарушение порядка. И мой долг – найти причину.

– Вы полагаете, причина стоит перед вами, в простом фартуке, с пучком сухой травы в руках? – Ее полные губы тронула легкая улыбка. – Ищите, магистрат. Но ищите правду, а не ведьму, которую вам так жаждут подсунуть.

Он молча посмотрел на Элайзу все тем же строгим взглядом. Было в ней что-то... странное. Не покорность запуганной овцы, не злоба затравленного зверя. Спокойная сила, глубоко укорененная, как старое дерево. Это вызывало у Сайласа неприятие, смешанное с невольным интересом.

– Правда – это то, что будет установлено судом, мистрис Мэдоуз, – отрезал он наконец. – А пока будьте готовы отвечать на мои вопросы. – С этими словами он развернулся и зашагал прочь от дома Элайзы, тут же почувствовавшей холодок в пальцах.

Она отложила травы и сделала глубокий вдох.

* * *

Хрупкое равновесие Блэкуотер Крик рухнуло через два дня. Утром по поселению пронесся вопль – пронзительный, полный ужаса вопль Гуди Харлоу. Ее маленькая дочь, Марта, билась в лихорадке: тело девочки сводили судороги, а на коже проступили темные пятна. К полудню перед домом старейшины, где временно расположился магистрат Торн, собралась взбудораженная толпа. В центре стояла растрепанная и заплаканная Гуди Харлоу, а рядом с ней, суровый и прямой, возвышался преподобный Крофт.

Когда из толпы вытолкнули Элайзу, бледную, но с высоко поднятой головой, Гуди Харлоу бросилась к ней, тыча дрожащим пальцем.

– Она! Это она сделала! Ведьма! – закричала женщина. Ее голос срывался от рыданий. – Вчера! Она дала Марте отвар от кашля! Сказала, лесной бальзам! А ночью Марта стала гореть огнем! Глаза закатились! Это был яд! Она прокляла моего ребенка!

Преподобный Крофт положил руку на плечо отчаявшейся женщины, обращаясь к толпе и к Сайласу Торну, вышедшему на крыльцо.

– Братья и сестры! Магистрат! Вы видите? Дьявол не дремлет! Он протягивает свои когтистые лапы к нашим детям через тех, кто отвернулся от света Господня! Эта женщина... ее травы... это не Божье благословение, а сатанинское зелье! Сколько еще знамений нам нужно? Засохший ручей! Больной скот! А теперь – дитя на пороге смерти! Это колдовство, явное и неоспоримое!

Толпа загудела испуганно и злобно.

– Ведьма! На костер!

Элайза шагнула вперед, и вдруг повисло напряженное молчание.

Она заговорила тихо, но отчетливо:

– Гуди Харлоу, я дала Марте отвар мать-и-мачехи с медом. Это верное средство от кашля, оно не могло причинить вреда. Болезнь пришла сама, не от моих рук. – Она повернулась к магистрату. – Сайлас Торн, вы и сами видите, что эти люди во власти страха и горя. Они ищут виновного, но я ни в чем не виновата.

Толпа вновь зароптала. Сайлас смотрел на Элайзу, затем – на обезумевшую от горя мать, на проповедника с фанатично горящим взглядом, на готовых к расправе поселенцев. Лицо магистрата оставалось непроницаемой маской, но в серых глазах мелькнуло сомнение. Он видел истерию, видел поиск легкого выхода из сложной ситуации. Но он также видел ребенка, лежащего при смерти. И не имел права бездействовать.

– Тишина! – рявкнул Сайлас. – Закон не вершится криками на площади! Гуди Харлоу, ваши показания будут записаны. Преподобный, ваши опасения приняты к сведению. Элайза Мэдоуз... – В голосе магистрата зазвенел металл. – В свете тяжести обвинений и для предотвращения самосуда я вынужден взять вас под стражу до завершения расследования. Констебль Хиггинс, проводите мистрис Мэдоуз в сторожку. Обеспечьте охрану. Никто не должен приближаться к ней без моего прямого приказа.

Элайза не сопротивлялась – она лишь бросила на Сайласа тяжелый взгляд. Констебль повел ее, не склонившую головы, сквозь расступившуюся толпу. Истерия в Блэкуотер Крик подошла к точке кипения, и магистрат Торн только что взял ситуацию под контроль... или начал терять его, сам того не подозревая.

* * *

Дни тянулись медленно, наполненные страхом и ожиданием. Сайлас Торн методично вел расследование, вызывая свидетелей в дом старейшины – единственное место в Блэкуотер Крик, где еще сохранялось подобие порядка. Но каждый допрос лишь глубже погружал магистрата в вязкую трясину суеверий, личной вражды и откровенной лжи.

Гуди Харлоу – ее глаза все еще были красными от слез, но теперь в них горел и мстительный огонь – путалась в показаниях.

– Она всегда была странной, магистрат! Птицы ели у нее с руки! А когда мой забор покосился, она просто посмотрела на него, и он рухнул! Я сама видела!..

– Видели ли вы, как Элайза Мэдоуз добавляла в отвар мать-и-мачехи что-то кроме меда? Гуди замаялась.

– Не видела... но она ведьма! Она могла сделать это взглядом! Чарами!..

Преподобный Крофт был непоколебим в своей уверенности.

– Закон Божий и закон человеческий должны идти рука об руку, магистрат! Эта женщина – язва на теле нашей общины. Ее связь с лесом – не от Бога. Вспомните Писание: «Ворожеи не оставляй в живых»! Признаки налицо: неурожай совпал с ее появлением здесь пять лет назад, мор скота начался после того, как она лечила корову старейшины...

– И корова старейшины выжила, преподобный, в отличие от остальных, – холодно заметил Сайлас, делая пометку в записной книжке. – А засуха, как мне известно, затронула весь край, а не только Блэкуотер Крик.

– Дьявол хитер, магистрат! Он может и исцелить, чтобы глубже заманить душу в свои сети! – не сдавался Крофт.

Допросы Элайзы проходили в холодной, сырой сторожке у старого амбара. Единственное окно было забито досками, свет давала лишь оплывшая свеча на грубо сколоченном столе. Но даже в этой убогой обстановке Элайза держалась с удивительным достоинством.

– Мистрис Мэдоуз. – Сайлас внимательно смотрел на нее. – Люди утверждают, что вы разговариваете с животными, что ваш сад цветет вопреки засухе, что вы можете наслать болезнь одним взглядом.

Элайза пожала плечами.

– Животные не боятся меня, потому что я не причиняю им зла, магистрат. Мой сад растет, потому что я знаю землю, знаю, когда полить той малой водой, что еще осталась, когда укрыть от палящего солнца. Это не колдовство. Что до болезней... страх – вот истинная зараза. Он застилает людям глаза.

– Но девочка, Марта Харлоу, больна. И она заболела после вашего отвара.

– Я дала ей лекарство от кашля, магистрат. Безвредное. Возможно, у нее другая хворь, более серьезная. Разве вы не послали за лекарем из города?

– Послал. Но он будет здесь не раньше чем через несколько дней. – Сайлас помолчал. – Говорят, у вашего дома находили странные знаки, начертанные на земле.

– Дети иногда играют у моей калитки. Или ветер рисует узоры на пыли. Вы ищете доказательства колдовства, магистрат Торн, но находите лишь домыслы и слухи. Неужели этого достаточно, чтобы отнять у человека жизнь?

В тот же момент по крыше сторожки забарабанил дождь – внезапный сильный ливень, хотя небо весь день было ясным. Порыв ветра задул свечу, погрузив комнату во мрак. Сайлас чертыхнулся, чиркая кремнем, чтобы снова зажечь фитиль.

Когда пламя разгорелось, магистрат увидел, что Элайза сидит так же спокойно, лишь слушает шум дождя за стеной.

– Странная погода, – заметил Сайлас как можно более ровным голосом.

– Природа живет своей жизнью, магистрат, – тихо ответила Элайза. – Иногда она плачет, иногда гневается. Мы лишь песчинки под ее стопами.

Допрос был окончен. Выйдя из сторожки под холодные струи дождя, Сайлас чувствовал, как его уверенность в виновности Элайзы тает, уступая место растущему убеждению, что он стал инструментом в руках озлобленной, обезумевшей от страха толпы. Он видел перед собой не ведьму, а жертву. И это знание тяжелым грузом ложилось на его совесть.

Сайлас стал заходить в сторожку чаще, чем того требовало формальное расследование. Он приносил скудную еду – кусок хлеба, кружку воды, иногда даже яблоко – под предлогом продолжения допроса или проверки условий содержания. Но дело было в другом. В душливой атмосфере Блэкуотер Крик, пропитанной страхом и злобой, часы, проведенные с Элайзой, казались глотком свежего, чистого воздуха, пусть и в затхлой камерке.

Магистрат наблюдал за Элайзой. За тем, как она осторожно смахивала паутинку с единственного уцелевшего стула, не трогая паука. За тем, как ее пальцы перебирали сухой стебелек

мяты, который ей чудом удалось пронести в кармане фартука, словно черпая в нем силы. За тем, как стойко она встречала взгляд Сайласа, без тени подобострастия или вызова.

– Почему вы остались здесь, в Блэкуотер Крик? – спросил он однажды, когда долгая пауза в их разговоре стала почти осязаемой. – Это не самое приветливое место, особенно для... женщины с вашими знаниями.

Элайза подняла на него взгляд.

– А куда мне было идти, магистрат? Моя мать умерла, когда я была девочкой. Она знала травы, как и я. Ее тоже... не любили. Я искала место, где смогу жить тихо, помогать тем, кому нужна помощь, и не мешать остальным. Думала, здесь, на краю света, меня оставят в покое. – Она горько усмехнулась. – Я ошиблась.

– Помогать? – Сайлас ухватился за слово. – Но люди говорят, вы приносите несчастья. Они боятся вас.

– Они боятся того, чего не понимают. Леса, болезней, самих себя. Легче найти ведьму, чем признать собственное бессилие или жестокость. Разве ваш закон не должен защищать от ложных обвинений, магистрат? Или он служит лишь для того, чтобы узаконить страхи толпы?

Ее слова ударили точно в цель, задев растущие сомнения Сайласа. Он видел лицемерие обвинителей, их мелкую зависть и суеверный ужас. И видел ее – спокойную, знающую, стойкую перед лицом ненависти. Это была не ведьма из страшных сказок. Это была женщина, загнанная в угол.

– Закон основан на фактах и доказательствах, мистрис Мэдоуз, – сказал он, но слова прозвучали менее уверенно, чем хотелось бы. – Пока я не нашел неопровержимых доказательств вашей вины.

– А доказательств моей невиновности? – Она смотрела на него прямо, испытующе. – Или в Блэкуотер Крик презумпция виновности, если ты не такой, как все?

Сайлас отвел глаза. Он чувствовал, как рушатся барьеры его должности, его строгости. Он видел не подследственную, а умную, сильную женщину, попавшую в беду. И ощущал к ней нечто большее, чем простое сочувствие. Это было опасное, запретное притяжение, которое росло с каждым днем, с каждым разговором, ставя под угрозу его долг, его положение и, возможно, его жизнь. Сайлас встал, чувствуя необходимость прервать беседу, пока она не зашла слишком далеко.

– Расследование продолжается, – бросил он сухо и вышел из сторожки, оставив Элайзу одну в полумраке, но унося с собой ее образ и тяжесть невозможного выбора.

Его долг требовал найти ведьму, но сердце и разум все громче шептали, что ведьмы здесь нет.

Глубокой ночью, когда Блэкуотер Крик погрузился в беспокойный сон, а луна спряталась за плотными облаками, к сторожке бесшумно приблизилась тень. Сайлас Торн. Он сам отодвинул тяжелый засов, который констебль Хиггинс «по забывчивости» не запер до конца, и скользнул внутрь. Элайза сидела на полу, прислонившись спиной к холодной стене, но глаза ее были открыты – она будто ждала.

– Элайза, – тревожно прошептал Сайлас, – времени почти не осталось. Завтра утром преподобный Крофт и старейшины потребуют начать официальный суд. Настроения в поселении ужасны. Болезнь Марты Харлоу не проходит, и каждый стон девочки – еще один гвоздь в... в крышку твоего гроба, как бы чудовищно это ни звучало.

Она медленно подняла голову. В полумраке ее лицо казалось вырезанным из слоновой кости.

– Завтра начнется суд? Или ритуальное жертвоприношение страху, магистрат?

Сайлас подошел ближе.

– Лекарь наконец добрался до Марты. Он считает, что она больна болотной лихорадкой, редкой, но известной в здешних краях. Никакого яда, никакого колдовства. Но он боится сказать это Крофту и толпе. Они его не послушают.

– И вы пришли сообщить мне это? Чтобы я встретила приговор с чистой совестью? – В ее голосе звучал не сарказм, а бесконечная усталость.

– Нет. – Сайлас опустился перед Элайзой на одно колено, посмотрел прямо в лицо. Он видел в ее глазах не только страх, но и несломленную гордость. – Я пришел, потому что больше не могу быть частью этого безумия. Я пересмотрел все показания, все *улики*. Это фарс, Элайза. Сеть лжи и суеверий. Я не нашел ни единого доказательства твоей вины. – Он запнулся. – Я вижу лишь женщину, которая знает лес и не боится быть собой. И поэтому они хотят тебя убить.

Их взгляды встретились. Тишина в сторожке стала густой, наполненной невысказанным. Сайлас медленно, почти неосознанно протянул руку и коснулся щеки Элайзы. И словно обжегся. Это было нарушение всех правил, всех границ его должности и ее положения. Запретный, невозможный жест.

Элайза не отстранилась. Она лишь на мгновение опустила веки, будто принимая это хрупкое, опасное тепло.

– Сайлас... – прошептала она, открывая глаза. В них стояли слезы, но она не плакала. – Что ты собираешься делать?

– Я не могу допустить этого суда, – твердо сказал он, убирая руку, но их связь уже была установлена, невидимая нить протянулась между ними. – Хиггинс поможет. Через час, когда сменится караул у реки, дверь окажется открыта. За лесом, у старой ивы, будет ждать лошадь. Скачи на север, не останавливаясь, пока не окажешься в большом городе, где легко затеряться. Я дам тебе немного денег.

– Побег? – выдавила она. – Но это будет равносильно признанию! А ты? Что будет с тобой, когда они обнаружат мое исчезновение? Тебя же...

– Я найду способ все объяснить. Или приму последствия, – решительно ответил Сайлас.

Он сделал свой выбор. Закон, который он поклялся защищать, здесь превратился в оружие убийства.

– Есть вещи, Элайза, которые страшнее потери должности или даже свободы. Жить, зная, что я позволил злу свершиться, – вот что невыносимо.

В этот момент сквозь щель в заколоченном окне пробился бледный луч. Лунный свет упал на засохший пруттик, валявшийся в углу. И на мертвой ветке набухла и раскрылась одна-единственная неестественно белая почка. Ни Сайлас, ни Элайза не проронили ни слова, но оба увидели это тихое чудо, знак жизни посреди отчаяния. Природа слышала их.

– Иди, Элайза, – сказал Сайлас, поднимаясь. – Живи.

* * *

План рухнул еще до рассвета. Когда Элайза, закутанная в темный плащ, почти достигла условленного места у реки, из теней выступили двое – констебль Хиггинс, бледный как полотно, и преподобный Крофт с факелом в руке. Хиггинс, сломленный страхом перед вечным проклятием, предал своего магистрата.

К утру весть облетела Блэкуотер Крик. Сайласа Торна, столп закона и порядка, доставили в дом старейшины уже не как следователя, а как обвиняемого. Толпа, еще более многочисленная и разъяренная, чем прежде, ревела у окон.

– Ты был послан искоренить зло, магистрат! – гремел голос Крофта, когда Сайласа ввели в главную комнату, где уже сидели старейшины с каменными лицами.

Элайзу держали у стены двое ополченцев.

– А вместо этого ты пал жертвой его чар! Ты пытался освободить ведьму! Помочь ей бежать от правосудия! Не ты ли говорил нам о порядке? О законе? Какой же закон ты защищал, когда тайно пробирался к ней в камеру, шептался с ней, готовил побег?!

Сайлас стоял прямо, хотя руки его были связаны за спиной. Взгляд блестел не от страха, а от ярости и презрения.

– Я пытался предотвратить убийство, Крофт. Убийство невинной женщины, которое вы собираетесь совершить, прикрываясь именем Бога и страхами этих несчастных людей. Лекарь подтвердил – Марта Харлоу больна лихорадкой! Никто эту девочку не проклинал.

– Лекарь – чужак! Он не знает путей Господних и козней дьявольских! – отмахнулся Крофт. – Мы видели знаки! Мы слышали показания! А теперь мы видим и твое предательство! Ты вступил в сговор с ведьмой! Возможно, она обещала тебе мирские блага или плотские утехи? Признайся, магистрат, как глубоко ты пал?

– Я пал бы гораздо глубже, если бы позволил вам растерзать ее, – процедил Сайлас, его взгляд метнулся к Элайзе.

Она стояла молча, с непроницаемым лицом, и смотрела на него без отрыва.

Суд прошел очень быстро. Показания Хиггинса, слова Крофта, гневные выкрики из-за двери – все это слилось в обвинительный вердикт.

Старейшина зачитал приговор дрожащим голосом:

– Элайза Мэдоуз, обвиняемая в колдовстве, нанесении вреда и сговоре с темными силами... и Сайлас Торн, обвиняемый в пособничестве ведьме, предательстве долга и оскорблении общины... приговариваются к смертной казни через повешение. Да свершится правосудие и очистится Блэкуотер Крик от скверны. Казнь назначить на завтрашний полдень.

В наступившей тишине Сайлас вновь посмотрел на Элайзу поверх голов стражников и судей. Во взглядах приговоренных читалось все: его отчаяние из-за провала, ее тихая скорбь, их общая обреченность и та запретная, роковая связь, что привела обоих на порог смерти.

* * *

Полдень одарил Блэкуотер Крик свинцовыми тучами и ледяным ветром, завывающим, словно плакальщик. Поспешно сколоченный помост с виселицей скрипел на небольшой поляне у края леса – в том месте, которое Элайза считала своим убежищем. Вся община собралась здесь. Лица людей были бледными, глаза горели смесью страха и жестокого любопытства.

Элайзу и Сайласа вывели из сторожки, их руки по-прежнему были связаны. Сайлас шел твердо, без всякого выражения на лице, лишь желваки ходили на скулах. Элайза казалась хрупкой, но несломленной. Когда их оставили у подножия виселицы, их взгляды встретились в последний раз.

Преподобный Крофт взошел на помост и воздел руки к небу.

– Да свершится правосудие Господне! Да очистится эта земля от скверны колдовства и предательства! Да будет этот день уроком для всех, кто посмеет отвернуться от света истины и заключить сделку с тьмой!

Они начали с Сайласа. Когда палач накинул грубую веревку ему на шею, магистрат не дрогнул. Лишь едва заметно шевельнул губами, словно произнося чье-то имя.

Элайза застыла, ее дыхание прервалось. Она смотрела, как опора уходит из-под ног Сайласа, как тело дергается и замирает. Сдавленный стон сорвался с ее губ, потерявшись в порыве ветра. Она не отводила глаз, словно пытаясь удержать ускользающую душу магистрата.

И в этот самый момент небо расколосось. Тьма обрушилась на поляну так внезапно, будто солнце погасло. Ветер взвыл с новой силой, швыряя в лица людей ледяную крупу. Стая черных воронов, каркая, закружила над виселицей. Люди в ужасе закричали, закрывая головы руками.

А потом из чащи леса, из непроглядной тени между стволами, выступил он – огромный волк, крупнее любого, какого когда-либо видели в этих краях. Иссиня-черная шерсть словно поглощала свет, а желтые глаза горели неживым огнем, и взгляд их был прикован к Элайзе. Она не видела в нем звериной ярости, лишь бездонную боль и узнавание.

Волк сделал несколько шагов вперед, не обращая внимания на крики и панику толпы. Люди шарахнулись назад, крестясь и бормоча молитвы.

– Дьявол! Это он! Пришел за своей слугой! – выкрикнул кто-то.

Даже преподобный Крофт отступил от края помоста, съжившийся от суеверного ужаса.

Страх перед сверхъестественным оказался сильнее жажды крови. Никто не смел подойти к виселице, никто не смел тронуть Элайзу, пока черный волк стоял на краю поляны.

– Прочь ее! Изгнать! Пусть хозяин забирает ее! – раздался голос из толпы, и его тут же подхватили другие.

В панике палач перерезал веревку, державшую Элайзу, и ее грубо вытолкнули из круга факелов, прочь из поселения, в сторону леса, где ждала ее волчья тень.

* * *

Годы текли вперед без оглядки, подобно ручью Блэкуотер Крик. Элайза постарела, но время не смогло согнуть ее спину и погасить свет в глазах. Сад мистрис Мэдоуз продолжал благоухать дивными травами, а в окне лесной хижины всегда теплился огонек – путеводная звезда для заблудших душ. Лишь теперь Элайза понимала истинную цену своей жизни, купленную чужой жертвой.

Бессонные ночи наполнялись тяжелыми раздумьями. Лежа на жестком тюфяке, Элайза вслушивалась в размеренные шаги большого волка, что бесконечно бродил вокруг дома. Иногда он замирал у порога, и сквозь щели в ставнях она видела его горящие глаза – два раскаленных уголька во тьме. В такие минуты сердце сжималось от невыносимой боли: ведь именно Элайза последним отчаянным заклятьем привязала душу Сайласа к этому миру. К себе.

Одной зимней ночью, когда метель буйствовала вовсю, молодая семья заблудилась неподалеку от дома Элайзы – их повозка увязла в глубоком сугробе. В полуночной тишине раздался осторожный стук в дверь – на пороге стоял изможденный мужчина с двумя детьми. «Ваш... хранитель привел нас, – рассказал он, когда Элайза накормила их горячей похлебкой. – Без него мы бы замерзли насмерть».

Глядя на спокойно спящих детей и принимая благодарность родителей, Элайза внезапно осознала весь ужас своего поступка. Она использовала любовь Сайласа, превратив его благородную жертву в вечное проклятие. Горячие слезы покатались по морщинистым щекам.

С тех пор все переменялось. Элайза больше не прибегала к колдовству, только лечила травами и добрым словом. По вечерам часто сидела у очага, разговаривая с черным волком, который теперь нередко переступал ее порог.

– Прости меня, Сайлас, – шептала она, глядя в огонь. – Я обманула тебя. Я струсила.

Волк всегда молча наблюдал за ней нездешними глазами. Но однажды, когда рыдания особенно терзали ее душу, он неожиданно положил голову Элайзе на колени – первое проявление чувств за долгие годы.

Так они и жили – словно две тени, оберегающие лес и его обитателей. Постепенно люди перестали бояться одинокую женщину и ее верного спутника. Теперь они сами приходили за помощью, зная, что найдут приют и исцеление. Из символа страха черный волк превратился в добрый знак для путников.

Когда пришло ее время, Элайза почувствовала это заранее: в воздухе повисла особая тишина и птицы замолкли в чаще. Старый волк вошел в дом. Его горящие глаза потускнели, а дыхание стало едва различимым.

– Пора, любимый, – прошептала Элайза, поглаживая густую шерсть.

Их жизни угасли одновременно. Но в ветвях, сплетающихся над хижиной, шепотом ветра прозвучали два голоса – мужской и женский. Теперь они стали равны – оба свободны, оба прощены. Вместе. Их силуэты растворились в золотистом свете засыпающего леса, оставив после себя лишь легкий шорох листвы.

Родник жизни Саша Гран

Говорят, в дремучих лесах иногда можно услышать тихое пение, которое эхом разлетается среди темной дубравы. Испокон веков жители окрестных пристанищ считали этот голос добрым. Когда в лесу терялся забредший слишком далеко дровосек или собирающий цветы маленький ребенок, этот прекрасный голос выводил их обратно, помогая избежать встреч с диким зверем или неведомой тьмой.

Да, в лесу жили не только волки: очевидцы рассказывали, что иногда, когда ночь опускалась на землю, темные силуэты начинали рыскать туда-сюда, словно искали себе жертву на съедение. Никто не знал, был ли это какой забредший человек, лишившийся разума, или же потусторонняя сила, для которой жизнь смертных была пустым звуком, а возможно, даже мстительный дух.

В народе две этих странности называли «светом» и «тьмой», которые жили бок о бок друг с другом.

И все же люди, несмотря на опасность, продолжали навещать в лес. Причина была в спрятанном глубоко внутри роднике, вода из которого была настолько чистой и свежей, что ходили слухи о ее магических целебных свойствах.

В одной из деревень вода из родника спасла умирающего ребенка от его недуга.

В городе неподалеку вода помогла женщине разродиться двумя малышами.

Люди, слышавшие о чудесах, толпой стремились в лес, но не каждый мог выйти, поэтому люди придумали байку о магическом роднике:

*О, тот, кто в лес идет, запомни:
Законы там у них свои.
Коль потерялся ты, не бойся,*

*За нежным голосом иди;
Коль ты забрел, дары вкушая,
Остерегайся страшной тьмы;
Коль ищешь ты святую воду,
То развернись и уходи.*

– Какая глупая песня, – заявил насмешливый голос. Изящная рука махнула над цветочной поляной, и та вмиг увяла, пожелтев и осыпавшись.

Вдалеке слышались песни людей, праздновавших день сбора урожая. Лес вторил им в ответ, шелестя листвой, а затем, стоило фигуре пройти мимо, замирал в ожидании или даже засыпал вечным сном.

Темная фигура огляделась, словно искала кого-то, а затем увидела светлую, которая сидела перед родником и тихо подпевала людям.

– Сестрица, – вздохнула девушка с черными волосами. – Что в этой песне такого? Она же глупая.

Девушка со светлыми волосами обернулась и улыбнулась.

– Не ворчи, Эмбер. Разве люди не прелестны тем, что могут создавать такие песни?

– Не вижу ничего прелестного.

Тень и Свет из людских историй на самом деле приходились друг другу сестрами. Они не знали наверняка, кем были на самом деле – дочерьми богини или же ангелами, сброшенными на землю. Зато они прекрасно знали, в чем заключался их долг.

Старшая сестра – Мэй, называлась жрицей жизни. Стоило ей начать петь своим ласковым искрящимся голосом, как мир вокруг оживал: цветы распускались, трава зеленела, ручьи текли и все благоухало.

Младшая же сестра – Эмбер, была жрицей смерти. Всего одного ее взгляда янтарных глаз хватало, чтобы все похолодело и поникло в ожидании, когда на землю сойдет зима.

Каждый год сестры по очереди преображали лес, и эта магия распространялась на весь мир, запуская таким образом смену сезонов.

Пока люди не обжились в этих краях, все было спокойно. По крайней мере, Эмбер чувствовала себя так. Но с годами смертные населили близлежащие территории и начали проникать в лес, что ей не особо нравилось.

Но Мэй была другого мнения. Кажется, люди ей нравились, раз она продолжала помогать им и даже...

Эмбер уставилась на родник и нахмурилась.

– Он стал еще меньше, сестра. Пожалуйста, не позволяй людям забирать из него воду, иначе ты...

– Ничего страшного от пары людей не будет, – покачала головой Мэй. – Раз эта вода может помочь исцелить их, почему бы ею не поделиться? Ее же много!

– Это глупо, сестра! – Эмбер не собиралась поддерживать ее мнение. – Нельзя спасти всех ценой своей жизни! Кроме того, с каждым годом людей становится все больше и больше! Рано или поздно от родника ничего не останется!

Но ответом, как и всегда, было молчание. Мэй лишь мягко улыбалась, глядя в пустоту, а ее сестра, пылающая от злости и обиды, вновь быстро развернулась и умчалась в глубь зарослей.

– Глупая сестра! Почему?! Почему ты продолжаешь любить людей, если в ответ они лишь топчут нас?! Что в них такого, раз ты постоянно наблюдаешь за ними?!

Рядом послышались шорохи.

– Я тебе говорю, этот родник особенный! Вот увидишь, вода точно поможет!

Несколько крупных мужчин показались неподалеку, и Эмбер, и так разозленная из-за ситуации, обратилась черной тенью и приблизилась к ним.

– С... стой! Это!.. Это же!.. – Один из мужчин побледнел, увидев надвигающийся черный туман. – Спасайся!

Они тут же сбежали подальше, забыв о роднике.

Эмбер вновь приняла свой обычный облик и вздохнула.

– Как глупо. Люди ужасно жадные, а она этого не понимает. Дай им палец, они откусят по локоть! Как их вообще можно любить?

Она пробиралась сквозь чащу леса, погружившись в свои беспорядочные мысли, когда поняла, что вышла на окраину, где стояла ближайшая деревенька.

На поляне, прилегавшей к лесу, играли маленькие девочки. Они бегали друг за другом, весело смеялись и кричали что-то.

Эмбер замерла и молча наблюдала за ними. Каким-то образом... они напоминали ей ее сестру. Такие же веселые и энергичные. Такие же солнечные и прекрасные.

Она поджала губы.

– Я... должна понять почему.

* * *

Холодный ветер казался настолько сильным, словно мог сдуть с ног любого. Эмбер всю жизнь жила в лесу, поэтому не знала, насколько мощными могут быть потоки воздуха. Ее черные волосы развевались высоко над землей, пока она аккуратно спускалась с пригорка.

Она молча смотрела на юбку своего нового платья, которое она сделала из пожелтевшей листвы. Она постаралась сделать его похожим на то, что носили женщины в этой деревне, и надеялась, что никто не заподозрит ее.

Внезапно она поскользнулась и покатилась кубарем вниз, не успев даже охнуть.

– Ай-ай-ай... – прошептала она, потирая голову.

Все перед глазами кружилось, но вдруг она услышала голоса.

– Ой, ты в порядке?! Девочки, идите сюда, тут какая-то тетенька вышла из леса!

Эмбер тут же пришла в себя и уставилась на маленькую девочку, которая стояла перед ней с растерянным выражением.

Она подскочила и сделала несколько шагов назад.

– Ой, прости, я напугала тебя! – Девочка замахала руками.

В это же время к ним подбежали другие дети.

– Кто ты, тетенька? Мы раньше тебя не видели. Ты потерялась в лесу?

– А... м-м... да, я пришла далеко отсюда. – Эмбер заранее придумала себе историю и просто вторила им.

– Наверное, тебя вывел добрый голос! – воодушевилась девочка с двумя косичками. – Я как-то раз собирала грибы и потерялась. А голос меня вывел!

Услышав это, Эмбер слегка нахмурилась, но быстро собрала с мыслями и кивнула, подтверждая ее догадку.

– Вау! Сестрица, у тебя такие красивые глаза! – заметила девочка поменьше ростом. – Они словно вот этот листочек!

Она показала Эмбер красивый оранжевый лист, и та смутилась.

– Ну... э-э-э... правда?

– Да! Ты очень красивая!

– Ой, у тебя волосы такие длинные, но растрепались! Можно мы расчешем их?

Дети быстро окружили ее, и Эмбер успела испугаться. Но...

Такие маленькие и слабые люди, наверное, не причинят ей вреда?

Совсем скоро они уже устроились на поляне, и девочки прыгали вокруг Эмбер, собирая ее волосы в большую косу.

– Жаль, что цветы уже отцвели. Иначе можно было бы украсить твои волосы! – вздохнула самая старшая из девочек – Анна.

– Ну и ладно! Волосы сестрицы и так очень красивые!

Эмбер не понимала, чего они так бегают вокруг нее и пекутся о ее внешности, и ответила:

– Мои волосы и глаза не такие красивые. У моей сестрицы красивее.

– Правда? А какая твоя сестрица? – спросила девочка с косичками – Лили.

– У нее очень красивые светлые волосы, словно солнце, и зеленые глаза, словно молодая листва, – ответила Эмбер, с улыбкой вспоминая внешность Мэй.

– Ой, она наверняка красавица! Вот бы увидеть! – улыбнулась самая младшая девочка – Мэри.

– А мне кажется, что ты, сестрица, тоже очень красивая! Мне нравятся твои черные волосы, – улыбнулась Анна. – У моей старшей сестры такие же... но сейчас они уже не так блестят на солнце, как у тебя. – Она заметно расстроилась.

– Почему? – спросила Эмбер.

– Сестра очень сильно заболела... с каждым днем ей все хуже и хуже... – Руки Анны задрожали, пока она пыталась заплести маленькую косичку сбоку.

Другие девочки тут же подбежали к ней и обняли со всех сторон.

– ...она может умереть? – догадалась Эмбер.

Стоило Анне это услышать, и из ее глаз полились слезы. Она молча кивнула.

Эмбер уже слышала от Мэй раньше. Люди боятся смерти. И боятся потерять близких.

Люди не понимают, что смерть – это начало. Эмбер – жрица смерти и, как никто другой, знает, что, лишившись жизни, существо даст возможность следующему поколению появиться на свет.

Вечный поток жизни и смерти не должен останавливаться.

Поэтому Эмбер и была против того, чтобы люди использовали силу родника жизни, – смерть не обманешь.

– Ты этого не хочешь, да? – спросила жрица смерти.

– Конечно, нет, – покачала головой Анна. – Разве кто-то хочет, чтобы его любимые умерли?

Стоило Эмбер это услышать, и в ее голове возник образ Мэй.

И правда... никто не хочет...

– Почему бы не воспользоваться водой из родника? – спросила она.

Но Анна не ответила на вопрос. Возможно, и она сама не знала почему.

Они посидели в тишине еще какое-то время, пока Мэри не подскочила.

– О, я знаю! Давайте соберем старшей сестрице красивых листьев и отнесем! Она ведь уже давно не выходила из дома, ей наверняка будет приятно!

Девочки сразу же оживились. Эмбер молча наблюдала за ними, погруженная в тяжелые мысли.

– Сестричка, ты сможешь вернуться домой? – через некоторое время, когда солнце начало уходить за горизонт, спросила Анна.

Эмбер поднялась с земли и посмотрела на них.

– Конечно. Ни о чем не бойтесь и идите.

– Мы еще встретимся? – спросила Мэри.

– Кто знает? Возможно, в будущем, – неоднозначно ответила жрица смерти. – Идите домой. Вас ждут родные.

Девочки помахали ей на прощание и убежали туда, где начинали зажигаться фонари. Эмбер же смотрела на них еще какое-то время, а затем развернулась и направилась обратно в лес.

– Кажется... стоит наблюдать за людьми, прежде чем прогонять... – сделала она вывод. По крайней мере, она начала понимать Мэй намного лучше.

А между тем годы шли, поселения приумножались, а истории о роднике распространялись все дальше и дальше...

* * *

Говорят, в дремучих лесах когда-то можно было услышать тихое пение, которое эхом разлеталось среди темной дубравы. Но теперь этот лес стих. Черные деревья и густой туман стали причиной, почему многие люди не смогли вернуться, и теперь любой, кто заходил сюда, шел по пути из костей.

История о чудодейственном роднике привела к тому, что люди полностью осушили его, не оставив ни капли. С тех самых пор весна ушла из этих мест, словно проклятие настигло жадных смертных.

И все же не так давно один мужчина, отчаявшийся найти лекарство для больной жены, забрел в другую часть леса, где нашел похожий родник. Вода из него действительно исцелила женщину, и люди с новой силой начали вторгаться в лес, чтобы добыть ее.

По лесу шла девушка, облаченная в темную накидку. Она со страхом озиралась по сторонам, боясь, что черная тень придет по ее душу, когда вдруг путь из костей привел ее к тому самому роднику из слухов.

Это место казалось мрачным. Кристально чистая вода стекала по черным камням вниз, в небольшой пруд с черными кувшинками.

Туман окружил пруд, будто преграда, которая должна помешать добраться до воды.

Девушка сглотнула и сделала несколько шагов вперед.

Дрожащими руками она достала стеклянную бутылочку и собиралась набрать воды, когда вдруг за спиной послышался голос:

– Не трогай ее, Анна.

От испуга девушка уронила бутылку в пруд, и та тут же исчезла в глубинах.

Анна обернулась и увидела прекрасную, но бледную женщину с черными волосами и потухшими янтарными глазами.

– Сестрица? Это ты? – удивилась Анна. – Что ты?.. Как?..

Она начала догадываться, что девушка перед ней далеко не человек. Сама же Эмбер смотрела на подростковую Анну так, словно отчаялась.

– Не трогай эту воду. Она не спасет никого.

– Но... дядя Сэм спас свою жену! А я!.. Мэри и Лили!.. Они заболели неведомой болезнью, сестрица! Их кожа покрылась черными пятнами, и они не просыпаются!

– Я знаю. Поэтому и говорю. Эта вода не спасет никого. Жена этого человека умрет, как и все, кто коснется ее. Потому что это источник смерти.

Анна замерла.

– Источник смерти?.. Тогда – ты?..

– ...тот источник, который люди знали, иссох. Источник жизни уже давно... иссох. – Лицо Эмбер стало еще печальнее, словно она пребывала в еще более глубоком отчаянии. – Остался лишь этот. И... осталась я.

Анна не понимала, о чем говорит жрица.

– То есть... если девочки выпьют эту воду... они все равно умрут?

– ...да. Как и все, кто прикоснется к воде или к ним, – вздохнула Эмбер и подошла ближе. – Анна. Я помню, какими вы были в детстве. Поэтому и предостерегаю тебя. Лучше уходи. Жизнь уже покинула эти земли, навсегда ушла в небытие. Осталась лишь смерть. Смерть без начала.

Повзрослевшая девушка не могла не понять, что имеет в виду Эмбер.

– Значит... все наши беды из-за того, что люди иссушили родник... тогда... та сестра, которую ты тогда упоминала?..

Она посмотрела в лицо жрицы и поняла все без лишних слов.

– Ты ненавидишь людей, да? – сделала вывод Анна.

– ...да. Я бы уже давно уничтожила вас всех, но... ты, Лили и Мэри...

Они стали причиной, почему Эмбер продолжала молча защищать свой источник от людей. Она хотела верить, что люди никогда не придут сюда вновь.

– Я дала себе зарок. Если они, как и раньше, покажут свою жадность, я не стану их останавливать. И тогда этот источник уничтожит их всех. Это будет месть за мою Мэй, которая любила вас и хотела помочь.

Эмбер вновь посмотрела на Анну.

– Уходи. И больше никогда не возвращайся сюда.

Анна опустила глаза на воду.

Все беды произошли по вине тех, кто хотел спасти своих родных... или тех, кто использовал родник в корыстных целях?

Есть ведь разница, правда?! Так почему Эмбер не понимает этого?!

Хотя... для нее разницы наверняка нет. В корысти или из добрых побуждений... люди все равно использовали родник, расходуя жизнь ее сестры.

И теперь в этих землях не останется ничего.

Анна поджала губы.

– Сестрица... можно мне остаться?

– Зачем?

– Там не останется никого, кто мне дорог. Если они все умрут... то какая разница, вернусь я или нет?

Эмбер промолчала.

– Нет, Анна. Разница есть. Ты все еще можешь выжить и идти дальше. Ты будешь помнить этот урок и, возможно, спасешь людей от этой ошибки. Так что просто покинь это место.

– Ха-ха, ты все еще хочешь спасти хоть кого-то? Ты... добрая, сестрица.

Эмбер непонимающе посмотрела на нее.

– Я? Добрая?

Понятия «добро» и «зло» остались лишь в детских книжках.

В жизни они не работают.

Анна с грустной улыбкой смотрела на Эмбер, и та лишь вздохнула.

– Иди, Анна. Пусть хотя бы ты обретешь счастье.

Девушка кивнула и побрела прочь из умирающего леса.

А жрица смерти еще долго смотрела на свой родник, пребывая в тяжелых мыслях, вспоминая прошлое.

Ее бледные губы бессильно двигались, пока она нашептывала знакомые мотивы:

О, тот, кто в лес идет, запомни:

Законы там у них свои.

Коль потерялся ты, погибель

Пришла твоя; ты с ней смирись.

Коль ты забрел, дары вкушая,

*Покройся страшной чернотой;
И не ищи святую воду,
Ведь смерть пришла уж за тобой.*

Кровь ее – бирюза Рия Альв

«Хуже всего умирать весной», – так она думала, лежа на иссохшей земле и глядя в пылающее небо. И все же даже мертвая природа пустыни в хонсу¹, казалось, оживала. А она собиралась умереть, обессилев после бесконечного перехода по пескам. Кожа ее была сожжена, ноги стерты до крови. Не осталось сил даже чтобы перевернуться и не глядеть больше на выжигающее глаза солнце.

Смерть подступала, неотвратимая, как песчаная буря, как еженощный спуск Ра в Дуат². И пустыня, огромная и древняя, словно Апоп³, проглотила ее жизнь, едва заметив.

Ей казалось, что она почти дошла до города. Она не знала, помогли бы ей там. Она не знала, куда шла на самом деле. Не знала откуда. Не знала зачем. Не помнила даже своего имени. Но она шла сквозь пустыню, пока не упала, когда солнце пронзило ее одним из своих лучей. Она останется здесь. Ветра обглодают ее кости. Пески укроют то небольшое, что от нее останется.

Смерть подступала, нависла над ней черной тенью. Странница вгляделась смерти в лицо, та посмотрела в ответ золотом глаз с тонким вертикальным зрачком.

– Верни меня в долину тростника, – попросила Странница у Смерти, – верни меня домой.

Смерть кивнула ей. И не было никого прекраснее ее Смерти. И золотой диск солнца покоился на голове ее между острых ушей.

¹ Хонсу – название месяца в древнеегипетском календаре; примерно соответствует марту. Один из месяцев сбора урожая. На месяц хонсу приходилось окончание периода уборки урожая ячменя и начало сбора льна. (Здесь и далее все примечания без указания на то, чьи они, принадлежат конкретным авторам.)

² Согласно египетской мифологии, каждую ночь Ра, бог солнца, отправляется в подземное царство, что символизирует заход солнца. Дуат – загробное царство, куда души отправляются после смерти.

³ Апоп – огромный змей, с которым Ра сражается каждую ночь во время своего путешествия по подземному Нилу.

* * *

– Яхмос! Ты там умерла, что ли?! – раздался раскатистый женский голос.

Яхмос потянулась, разминая затекшую от долгого сна спину, и сладко зевнула. Ей снилось что-то приятное, но она не смогла вспомнить что. Она потянулась еще разок. Погода для середины шему⁴ выдалась на удивление приятная, солнце не успело еще раскалить землю, а ветра не сбивали с ног, роняя лицо песком.

Яхмос потеряла глаза, думая, не понежиться ли ей на мешках со льном еще немного.

Ткацкий челнок, прилетевший точно в затылок, нарушил ее планы. Яхмос ойкнула и скривилась. Потерев голову, взъерошив коротко стриженные белоснежные волосы, Яхмос бросила недовольный взгляд в окно, из которого в нее бросили челнок.

Пусть Мэат часто говорила, что уже на полпути к Дуату, бросок у нее что надо.

– Тебе Себек⁵ ноги и руки поотгрызал? – недовольно спросили из дома.

Яхмос потянулась еще раз, с показательной внимательностью оглядела себя от ладоней до плеч и от стоп до бедер. Отметила, что с начала перета⁶, кажется, еще немного выросла, хотя и так была выше большинства местных женщин.

– Вроде бы нет! – бодро крикнула она в ответ.

– Тогда почему ты, дрянная девка, валяешься на этих мешках, если они давно уже должны быть переташены в мастерскую?! – Мэат наконец сама показалась в окне.

Седеющие брови нахмурены, лоб пошел морщинами, чуть сторбленная от долгой работы за ткацким станком фигура, а сама угрожающе стоит, уперев руки в бока. Пусть Яхмос иногда называла ее старухой – в ответ на «дрянную девку», – Мэат была весьма крепкой для своих почтенных лет. Сколько же ей? Яхмос склонялась к тому, что она застала еще древних чудовищ, ходивших по земле. Сейчас пустыня пересыпала песком их кости, а Мэат жила. Поэтому Яхмос предпочитала ее не злить и покорно взвалила два мешка на плечи. Это были последние, что у них остались с прошлого шему, сейчас они надеялись на новый обильный урожай.

– Не надорвись, – бросила Мэат.

– Да я и тебя в придачу могу поднять.

Мэат покачала головой, оправила ровно остриженные по плечи волосы. Яхмос ей широко улыбнулась. Она была высокой, нескладной, но жилистой. Силы в ее нелепом теле было предостаточно. Именно поэтому три года назад Мэат и ее муж Сатни выбрали Яхмос. Им, давно потерявшим сына и не заведшим больше детей, на старости лет нужна была помощь, а Яхмос – дом. У нее получалось зарабатывать на жизнь воровством, но все же лучше коротать холодные пустынные ночи и жаркие дни под крышей.

Сначала Яхмос помогала только по дому и на пивоварне вместе с работниками, а потом, явив скрытые таланты, взялась за счета и торговлю. На семейной пивоварне Яхмос и нашли, когда она, переоценив силы, упилась краденым и уснула. Несмотря на то что Мэат любила браниться, добрые все же были люди. Иные бы на месте убили.

Яхмос быстро перетаскала все мешки, чтобы не раздражать старуху больше. Пристроив их рядом со станком, она и челнок вернула на место. Потыкала пальцем разноцветные натянутые нити, потянула одну и отпустила, позволив вибрировать.

– Куда руки тянешь? Это тебе не арфа! – прикрикнула на нее Мэат.

⁴ Шему – сельскохозяйственный сезон в Древнем Египте. Период жары, засухи и сбора урожая примерно с середины (начала) февраля до середины (начала) июля.

⁵ Себек – бог-крокодил.

⁶ Перет – сельскохозяйственный сезон в Древнем Египте; длился с начала октября по конец февраля.

Яхмос отскочила от станка. В первый год Мэат пробовала обучить ее ткацкому ремеслу, но оказалось, что «от кошки в этом деле толку больше, чем от тебя, пустоголовая». Яхмос не сильно расстроилась. Она могла часами сидеть и смотреть, как цветные нити свиваются под руками Мэат в узоры, но у нее самой не хватало внимательности и усердия. Хотя если дело доходило до письма и счета, проблем не возникало. Еще ей удивительно хорошо удавалось приготовление целебных снадобий, хотя Яхмос не помнила, чтобы кто-то ее этому учил.

– Готовые одеяния возьми! – крикнула ей Мэат, когда Яхмос уже собиралась уходить.

– Откуда ты знаешь, что я в храм? – спросила она, но руки все же вытянула. На них тотчас аккуратной стопкой легли одеяния из светлого льна.

– У тебя лицо такое довольное, словно ты телегу фруктов стащила.

– Так, может, я фрукты воровать и иду? – весело оскалилась Яхмос.

И тут же получила легкий, особенно по меркам Мэат, подзатыльник.

– Беги уже. – Мэат развернула ее к двери и толкнула в спину. – Только возвращайся до вечера. Будет буря.

– Да ладно тебе, – бросила Яхмос через плечо. – Откуда ты?.. – Но осеклась, наткнувшись на строгий взгляд подведенных сурьмой глаз.

– Ах да, колени.

– Колени никогда не врут.

Возможно, Мэат тоже стоило заделаться жрицей и предсказывать погоду. Хотя жрецов Яхмос не любила.

Пообещав, что вернется пораньше, она выскочила на улицу. День стоял безветренный, и солнце успело нагреть воздух. Яхмос перебегала между теньями домов и раскидистых пальмовых листьев. Шему был в самом разгаре, и Нил, ласково обнимающий город своим телом, огромным, как у змея Апопа, еще не разлился. Не принес в Пер-Бастет⁷ толпы паломников, прибывающих к храму Бастет, что из земель, подвластных пер-а⁸, что из других, дальних и непонятных. Кожа этих людей была светлее, а волосы цвета льна или огня, они говорили на странном языке и звали Бастет Артемидой⁹. Но и на них Яхмос не была похожа.

Хотя Мэат, расспрашивавшая их, говорила потом, будто далеко-далеко на севере, если верить чужим рассказам, живут люди, чья кожа и глаза еще светлее, а волосы – такие же белые, как у Яхмос. Но сама она, смуглокожая и темноглазая, была уверена, что и на них тоже ни капли не похожа. Да и если бы она приплыла сюда, случилось бы это во время ахета¹⁰, как бы она тогда оказалась в пустыне в шему? На беглую рабыню она ничем не смахивала. Те цветные одежды, в которых ее нашли, сейчас изорвались, но были достойны богатой госпожи.

Прожив в Пер-Бастете шесть лет, Яхмос изучила каждый его уголок, но так и не стала полностью своей. Из-за волос она всегда выделялась среди толпы, как луна на небе. Потому ей и дали имя Яхмос, лунное дитя, слишком звучное для простой бродяжки без прошлого.

Отвернув от Нила, Яхмос пошла вдоль одного из каналов, обнимавших храм с двух сторон и укрытых деревьями. Святилище Бастет – сердце города; из-за того, что он сам поднят насыпью, храм можно увидеть из любой части. Словно чтобы ты ни на мгновение не забывал о кошащей богине. Широкую, опаляемую солнцем дорогу стерегли статуи божеств. Яхмос предпочитала не ходить там, чтобы лишний раз не попадать под их устрашающие взгляды. Преддверие храма возвышалось огромной стеной, изукрашенной барельефами. Казалось, даже если составить десяток домов друг на друга, они не достигнут его вершины.

⁷ Пер-Бастет – египетское название города, более известного под греческим названием Бубастис.

⁸ Пер-а – древнеегипетское название фараона; само слово «фараон» пришло из греческого.

⁹ Греки отождествляли египетских богов со своими, и у некоторых египетских божеств есть греческие «аналоги», хотя на самом деле их функции и образы не так уж близки.

¹⁰ Ахет – сельскохозяйственный сезон в Древнем Египте, период с июля по ноябрь, время разлива Нила.

Подходя к храму, Яхмос часто думала: в тот первый день, что заставило ее пересечь половину города, чтобы рухнуть рядом с храмом? Уж не желание ли укрыться в его тени, широкой, как Нил на разливе?

Сейчас в этой тени ее ждали. На фоне громадного, как сами боги, храма фигурка жрицы казалась совсем крохотной. Когда Яхмос приближалась со стороны рыночной площади, пройдя сквозь шум и толкотню, всегда чувствовала себя немного оглохшей и часто начинала выкрикивать приветствия, только заведя белый силуэт. За это ее всегда ругали. На самом же деле Яхмос вовсе не нужно было кричать, чтобы заявить о себе. Иринефер узнавала ее по шагам.

Кошачьи уши на ее голове дернулись, пушистый хвост качнулся из стороны в сторону, и Иринефер, как всегда погруженная в свои мысли, встрепенулась. Когда желтые глаза с сузившимся до тонкой, точно игла, щелки зрачком поймали взгляд Яхмос, на губах Иринефер уже играла приветливая улыбка.

– А ты никогда не носила никакой другой одежды? – спросила Яхмос, когда с приветствиями было покончено.

То была обязательная и не самая короткая часть разговора, ведь Иринефер считала своим долгом расспросить обо всех делах и здоровье Мэат и Сатни. Яхмос даже немного сердилась поначалу: про саму Яхмос она так не спрашивала. Иринефер, смеясь, отвечала, что в Яхмос здоровья хватит на десятерых.

И вот когда Яхмос в красках пересказала все сетования старухи про колени и с таким размахом изложила, как они со стариком и его работниками перекачивали на склад пивные бочки, будто событие это было сравнимо с одной из битв Сета с Гором¹¹, тогда она передала одежды.

Семья Мэат занималась изготовлением одежды для жриц чуть не со времен сотворения мира. Другие заказы она могла доверить помощницам и ученицам, но для храма всегда шила сама. Яхмос считала, что это пустая растрата ее мастерства. Скучнее и проще одежд, что носили жрицы, придумать было нельзя. Прямой светлый кусок ткани без всяких узоров. Яхмос, чаще всего носившая свободную и яркую одежду, никогда бы не надела нечто подобное.

– Может быть, в совсем раннем детстве, которого я не помню, – ответила Иринефер. Задумавшись, она постукала заостренным ноготком по губам.

Иринефер нравилось иногда подкрашивать губы и подводить глаза. Жрицам же это было разрешено лишь по большим праздникам.

– А что бы ты хотела надеть?

– Мне нельзя надевать ничего другого.

– Я же спрашиваю, что бы ты хотела, а не что тебе можно.

– Какая разница, что я хочу, если все равно нельзя?

– Ну представь, что можно.

– Зачем, если я точно знаю, что нельзя?

Яхмос готова была взвыть. Иногда казалось, что они с Иринефер говорят на совершенно разных языках.

– Мне интересно знать, что тебе нравится! – Яхмос так распалилась, что ударила себя в грудь. Вышло больно.

– Зачем? – Иринефер непонимающе посмотрела на нее.

Захотелось пару раз удариться о храмовую стену, но уже головой.

– Потому что мы подруги и мне интересны о тебе разные вещи! – Яхмос научилась даже в пылу эмоций кричать одной интонацией, не повышая громкости голоса на самом деле.

¹¹ Сет и Гор – божества-антагонисты, боровшиеся за власть над Египтом.

Уши Иринефер были слишком чувствительными. Яхмос боялась, что сейчас придется объяснять, почему это подругам интересны всякие незначительные вещи друг о друге, но Иринефер сжалась над ней и задумалась. Снова постучала коготком по губам.

– Я не знаю, – наконец сказала она, – сложно представить что-то другое, когда привыкла к одной одежде.

Яхмос вздохнула. Зверолюди считались ближайшими потомками богов, божественного дыхания в них – куда больше, чем в людях, оттого они малочисленны. И потому же их берегли, с самого рождения и до смерти, не выпуская из храма того божества, потомками которому они приходились.

Считалось, что даже земля за пределами храма не – достаточно чиста, чтобы любимые дети богов ступали по ней. Если зверолюди начнут жить в городах, заниматься тем же трудом, что и обычные смертные, тем прогневают богов, и падет их кара на весь Та-Кемет¹².

Запрет этот подкреплялся не одной лишь угрозой. Шею каждого зверочеловека сковывал ошейник. Говорили, что он задушит отступника, стоит лишь отойти слишком далеко от храмовых стен.

Услышав об этом впервые, Яхмос подумала, что даже у презираемых рабов больше возможностей сбежать, чем у почитаемых всеми потомков богов. Иринефер строго запретила ей высказывать такие мысли, за них можно было лишиться головы.

Каждая часть жизни зверолюдей была подчинена строгим распорядкам. Стены храмов слышали их первый плач. Всевидящие глаза богов безучастно наблюдали, как их разлучают с родителями. Вся жизнь их проходила подле ног божественных статуй в молитвах за благополучие Та-Кемет и долголетие пер-а. Последнему их выдоху, с которым ка и ба¹³ покидали тело, тоже внимали лишь стены святилищ.

Крохотный мир божественного дома, который ты покинешь, лишь отправившись в далекий путь до Дуата. Яхмос охватывал ужас от одной мысли об этом.

– Бирюза, – вдруг сказала Иринефер, – если бы мне было дозволено, я носила бы бирюзу.

– Потому что в нее, пролившись, обратилась кровь Бастет? – без особого энтузиазма спросила Яхмос.

Иринефер помотала головой, черные волосы ее, ровно подстриженные по плечи, как и у всех жриц кошачьего храма, разлетелись вороньими перышками.

– Кости их – серебро, плоть – золото, а волосы – лазурит¹⁴, – произнесла она заученные слова о божественных обликах, – но все же мне больше... – она замаялась, а потом будто вытолкнула из себя непривычное слово: – нравится бирюза.

– Я принесу тебе бусы из бирюзы, – пообещала Яхмос.

Глаза Иринефер удивленно расширились.

– И что я буду с ними делать?

Яхмос улыбнулась.

– Хранить, как самый страшный секрет.

¹² Та-Кемет – название Египта, означающее «Черная земля».

¹³ Душа в древнеегипетской концепции имеет несколько частей, каждая со своей функцией; так, ка отвечает, например, за характер и судьбу, а ба – за совесть. Ка может также представляться как некий астральный двойник человека, способный вселяться в людей, а ба способна овладевать животными.

¹⁴ Ряд устойчивых эпитетов, которыми описывают божественные тела. Про кровь богов обычно не говорится, но в ряде мифов пролитая кровь богов становится бирюзой.

* * *

Яхмос задумчиво повертела в руках усех¹⁵ – ворот состоял из более мелких вытянутых камушков бирюзы, крупные же свисали по краям. Такое украшение оживило бы даже унылые одежды храмовой жрицы. И все же оставалась одна проблема.

– Что же вас смущает, драгоценная госпожа? – Торговец хитро прищурился, глядя на Яхмос. – Вы выбираете украшение себе, разве может столь прекрасная девушка жалеть средств, чтобы подчеркнуть свою красоту?

Яхмос чуть не расхохоталась. Любому, кто сомневается в себе, воистину стоило пройти по торговым рядам с тугим кошельком. Через некоторое время от похвал, сыплющихся со всех сторон, ощутишь себя подобным богам.

– Это в подарок, – сухо отозвалась она.

– Тем более, – сразу же переключился торговец, – выбираете подарок сестре или матери? Такое украшение сможет передать всю полноту ваших чувств.

Вздыхнув, Яхмос подумала, что всю полноту ее чувств не передали бы и сокровищницы всех жен пер-а. Иринефер слишком много сделала для нее, чтобы это можно было оценить какой-либо вещью.

– Дело не в цене, – сказала Яхмос, и глаза торговца тут же жадно загорелись. – А в том, что это украшение должно быть удобно спрятать.

Иринефер нельзя будет показать подарок. Даже по праздникам им разрешалось надевать лишь определенные украшения, а любые подарки жрецам и жрицам были запрещены. Жрецы-зверолюди общались с людьми, но считалось, что им лучше бы не выделять никого и печься о благополучии всех в равной степени.

– Такое никуда не упрячешь. – Из-за спины торговца вынырнула девушка на пару лет младше Яхмос.

– Уйди, дочь, – шикнул на нее торговец, решив, что она сейчас прогонит покупательницу, но девушка шикнула на него ровно в той же манере.

– Подожди, отец! – Она вытащила что-то из небольшого мешочка и протянула Яхмос.

На ладонь опустилось странное ожерелье. На тонкой золотой цепочке висела фигурка, вырезанная из кусочка бирюзы. Яхмос сначала не поняла, что это, столь необычным было изображение: на лунном полумесяце, точно на судне с парусом, сидела кошка. Казалось, что они вместе, луна и кошка, плыли куда-то подобно Ра, совершающему свой ежедневный путь.

¹⁵ Усех – ожерелье-воротник с несколькими рядами бусин и другими украшениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.